

Евгений Кононенко, Эмма Зиливинская

Большая мечеть Кефе в османском архитектурном контексте

Реконструкция несохранившейся Биюк-джами в Кефе (Феодосии) — одной из первых османских мечетей в Крыму — до сих пор остается предметом разногласий. В статье критически рассматриваются предметом разногласий. В статье критически рассматриваются круг связанных с этим зданием литературных и графических источников, существующие датировки и тенденция приписать проект мечети Синану, делаются попытки определить типологическую принадлежность здания, сократить круг анатолийских архитектурных аналогий и ввести крымский памятник в контекст османского культового зодчества рубежа XV–XVI веков.

Ключевые слова:

мусульманская архитектура Крыма,
Биюк-джами в Кефе,
османская мечеть, Маниса,
реконструкция,
архитектурный патронат.

В истории архитектуры есть памятники, неоднократно и неузнаваемо менявшие свой облик в результате ремонтов и реставраций либо вообще исчезнувшие, но по разным причинам оказывающиеся принципиальными как в качестве отправных точек для становления локальных архитектурных школ, так и для реконструкции художественных связей и выбора образцов на этапе создания таких точек. К таким сооружениям можно отнести, например, константинопольский храм Св. Апостолов, построенную на его месте и разрушенную землетрясением мечеть Фатих, киевскую Десятинную церковь... [4, с. 65–82; 8; 45, pp. 130–142; 51, pp. 192–193; 54]. Интересно, что степень «проблемности» подобных памятников (их сохранность, внятность и достоверность разновременных письменных и графических источников, убедительность реконструкций) зачастую оказывается обратно пропорциональной их предполагаемому значению.

Ключевым для истории мусульманского зодчества Крыма памятником следует считать Большую мечеть (тур. Бюйюк-джами, кр.-тат. Биюк-джами) Кефе (Каффы, Феодосии) — центра османского *санджака* (губернии), образованного после завоевания в 1475 году. Учитывая статус и города, и культового здания, находившегося на центральной площади, от архитектуры мечети правомерно ожидать как следования османским образцам, демонстрирующего связь с «метрополией» (т. е. функционирования в качестве инструмента ретроспективной политической риторики), так и установления норматива для культового строительства на присоединенных землях (перспективная риторика) [15, с. 457–458]. Логично предположить, что новая Биюк-джами должна была стать образцом для целого ряда крымских мечетей меньшего размера, и ее планировка, композиция и архитектурный декор в разное время и в разной степени могли «цитироваться» в целом ряде памятников.

Архитектура мечетей Крыма всегда демонстрировала анатолийское влияние: доосманские базиликальные мечети Солхата (условно носящие имена Узбека и Бейбарса) и Чуфут-Кале следуют сельджукской

планировке [10, с. 30–31, 34; 15, с. 88–108, 136–165, 184–192, 227–245; 44, pp. 482–484], купольные здания конца XIV века (Курун-джами в Солхате, мечеть в Судакской крепости) восходят к раннеосманским квартальным *месджитам* [10, с. 31–34; 11; 38, pp. 119–120; 44, p. 482; 52, pp. 30–46]. В XVI веке в Крыму появились и многокупольные здания сложной планировки, соответствовавшие выделенному в раннеосманском культовом зодчестве планировочному подтипу «многообъемных мечетей»¹; таких построек всего две — это сохранившаяся Хан-джами (Джума-джами) в Гёзлёве (Евпатории, 1552–1564) и интересующая нас Биюк-джами в Кефе, известная только по чертежам, рисункам и описаниям.

Датировка этого памятника до сих пор гипотетична. В османской переписи населения, проведенной около 1520 года, среди названий мечетей Кефе на территории Кале-Бурун (западной части поселения внутри городской стены) указана Джами-кебир (*Самі-і кебир*, араб. «Большая мечеть») [2, с. 121–122], но неизвестно, идет ли речь, во-первых, об одной и той же мечети (определение «большая», на самом деле не свидетельствующее ни о размерах, ни об особом культовом статусе, но лишь об общественном значении, вполне могло быть перенесено на другое сооружение после разрушения старой мечети или появления более впечатляющей постройки, подобно превращению Улу-джами в Эдирне в Эски-джами, «Старую мечеть» после строительства новой [15, с. 325–326]), и, во-вторых, об одном и том же здании мечети (легко допустить, что в какой-то момент сооружение было значительно поновлено или полностью перестроено). Биюк-джами известна также под названиями Султан Селим-джами и Сулейман-джами, и уже этот факт демонстрирует неоднозначность ее восприятия как «большой» и необходимость конкретизации. Путешественники конца XVIII века были склонны считать это здание османской перестройкой христианской церкви [30, с. 414–415]. В начале XIX века предпринималась губительная попытка переделки мечети в православный храм, а в 1830-е

годы здание было снесено, однако сохранились как письменные, так и графические свидетельства, обобщенные в недавней статье В. П. Кирилло [13] и используемые для реконструкций мечети.

Явные противоречия в имеющихся реконструкциях заставляют вновь обратиться к уже рассмотренным предшественникам источников и не только вернуться к вопросу: какой была Биюк-джами, но и поставить менее очевидный вопрос: почему архитектура Биюк-джами была именно такой?

Важнейшим графическим источником, мимо которого не мог пройти ни один исследователь мечети, являются чертежи Вильяма Гесте², выполненные в 1798 году, — план и виды южного («заднего») и северного («переднего») фасадов. К сожалению, Гесте не считал необходимым запечатлеть боковые фасады здания, что и вызывает разногласия среди авторов реконструкций. (Ил. 1.)

Приведем описание здания, предложенное С. Г. Бочаровым:

Мечеть располагалась в пределах внешнего оборонительного кольца в 100 м северо-восточнее армянской церкви Св. Сергия на центральной площади города. Представляет собой прямоугольное в плане сооружение, состоящее из двух четко выраженных частей, собственно мечети (36 × 22 м) и двора (36 × 13 м) с галереей (36 × 7 м). Здание мечети трехнефное, разделялось на отдельные пролеты арочными проходами с одной промежуточной опорой. Центральная часть здания, квадратная в плане, была перекрыта куполом на высоком барабане. Барабан состоит из двух частей: нижняя восьмигранная и верхняя, предположительно шестнадцатигранная. Боковые пролеты барабана и примыкавшая к зданию с севера галерея завершались маленькими куполами на восьмигранных барабанах, их количество: над боковыми нефами по два, на галерее — пять. Галерея открывалась во двор пятипролетной аркадой. Освещение здания двухъярусное. Вход в комплекс и в мечеть находились на одной оси, с севера. Внешний вход был украшен порталом. С обоих боков к мечети пристроены минареты на квадратных в плане основаниях [2, с. 127].

Несмотря на терминологические неточности («боковые пролеты барабана» должны, очевидно, обозначать западный и восточный нефы), данное описание целиком согласуется с чертежами Гесте и дает представление о Биюк-джами как о центрально-купольной зальной

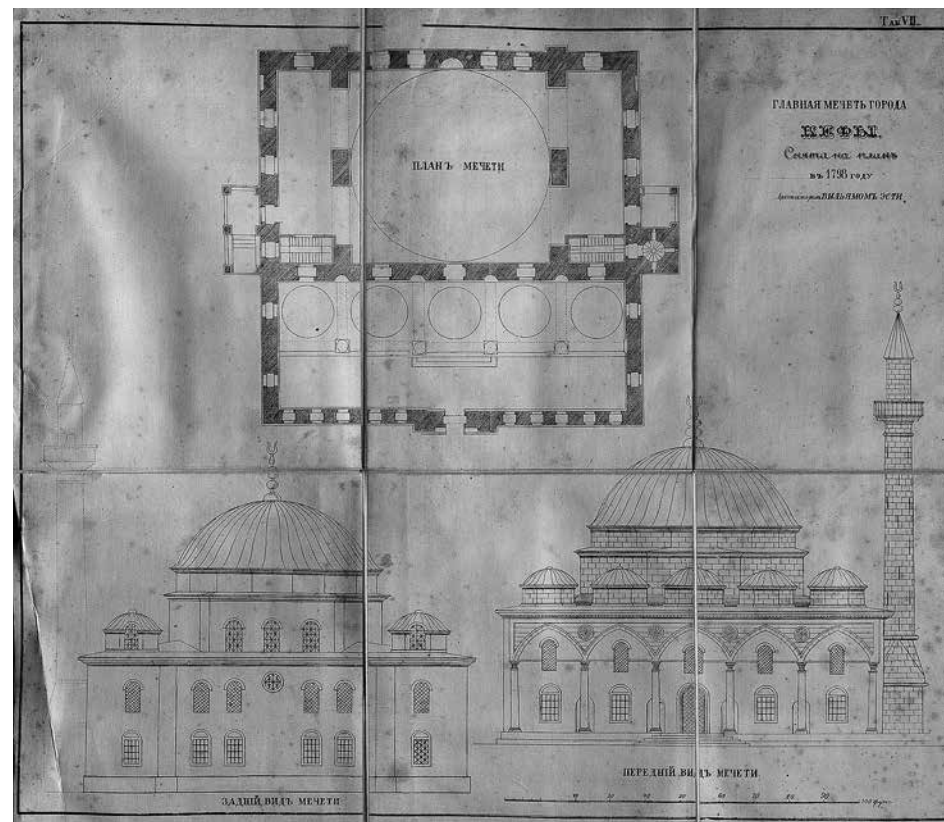
1 Речь идет о типологии раннеосманской мечети, предложенной А. Кураном [52] и подробнее описанной далее.

2 Вильям (Василий Иванович) Гесте (*William Hastie*, Уильям Хейсти) — российский инженер и архитектор шотландского происхождения, в 1795–1799 годах служивший губернским архитектором Таврической и Екатеринославской губернии; позже — городской архитектор Царского села и член Строительного комитета Министерства внутренних дел. Чертежи феодосийской мечети, выполненные В. Гесте, были представлены в 1821 году в докладе академика К. Э. Келлера [12].

мечети, в которой подкупольное пространство по поперечной оси дополнено боковыми нефами, составленными из двух купольных ячеек каждый, а к основному архитектурному объему с севера примыкает портик, также перекрытый куполами. Аналогичную реконструкцию почти столетие назад предлагал один из патриархов крымской архитектурной реставрации Б. Н. Засыпкин [9, с. 140].

Подобная планировка и пятикупольная композиция объема здания обычны для османского культового зодчества XV–XVI веков. Такое решение в варианте подкупольного гексагона реализовано уже в Юч Шерефели-джами в Эдирне (1447) [15, с. 362–370]. Соответствие двух ячеек каждого из боковых нефов стороне центрального подкупольного квадрата реконструируется в перестроенной Фатих-джами — первой османской мечети Стамбула (1463–1470) и считающейся ее позднейшей «репликой» Селимие-джами в Конье (1558); кроме того, такое же соответствие наблюдается в стамбульских «айванных» мечетях Мурад-паша (1465–1471) и Рум Мехмед-паша (1469–1471), а также в зальной Атик Али-паша (1496) [35, pp. 179–195; 40, pp. 99–114; 42, pp. 117–130; 51, pp. 177–180; 52, pp. 94–97, 142–143, 189, 192–193]. Следует оговорить, что в ряде указанных примеров к подкупольному квадрату с юга примыкает либо айван, перекрытый собственным куполом, либо развитая михрабная ниша, но можно утверждать, что соответствие двух боковых купольных ячеек стороне центрального подкупольного квадрата в османских мечетях к концу XV века становится нормативом.

Однако в 1794 году (за 4 года до появления чертежей Гесте) краткое описание феодосийской мечети было оставлено знаменитым естествоиспытателем П. С. Палласом, путешествовавшим по Крыму после отстранения от научной и преподавательской деятельности. В этом кратком описании содержится странная фраза: «Главный ее купол — более девяти саженей в поперечнике, и с трех сторон она еще имеет одиннадцать маленьких куполов» [24, с. 116–117]. Данное замечание стало основой для иной реконструкции облика Бююк-джами: В. П. Кирилко, приведя точку зрения Б. Н. Засыпкина и С. Г. Бочарова о том, что каждый из боковых нефов был перекрыт двумя куполами, указал на противоречие подобной реконструкции описанию Палласа и только на этом основании признал: «Данные выводы маловероятны, поскольку достоверно известно общее количество малых куполов — одиннадцать, из которых пять находилось спереди, над галереей, а остальные — симметрично перекрывали боковые компартименты молитвенного зала» [13, с. 229].

1. Вильям Гесте. *Большая мечеть Кефе* 1798. План, южный и северный фасады [12, таб. VII]

Такая аргументация рождает целый ряд вопросов: насколько достоверно описание Палласа? Откуда взялись 11 «малых куполов» (помимо главного, двенадцатого)? Что ими перекрывалось?

Видимо, наиболее раннее описание Большой мечети Кефе содержится в восьмом томе 10-томной «Книги путешествий» («Сейахат-наме») османского путешественника Эвлии Челеби, побывавшего в Крыму в 1666 году. Правда, выбор Эвлией достопримечательностей порой причудлив, а архитектурные описания довольно избирательны,

но кефинская мечеть привлекла его внимание; в частности, в тексте отмечено: «Над внешней софой на шести колоннах — пять искусно устроенных куполов» [33, с. 181]. Это упоминание свидетельствует о наличии в данном культовом сооружении особого функционального и композиционного элемента, характерного для османских мечетей и известного как *son cemaat yeri* — «место [для] последней общины», т. е. для опоздавших занять место в зале до начала коллективной молитвы. Такие портики, составленные почти всегда из пяти купольных ячеек, часто имевшие на южной стене михрабные ниши, появились в небольших османских мечетях уже в XIV веке [15, с. 268; 59, р. 1]. Ни функция, ни конструктивная оправданность, ни место в архитектурной композиции Биюк-джами этих пяти купольных перекрытий не вызывают сомнений.

Остаются еще шесть из одиннадцати упомянутых Палласом «маленьких куполов», которые в реконструкции В. П. Кирилко (не подкрепленной планом, разрезом, аксонометрией) предполагается разместить над «боковыми компартиментами». Сколько из них приходилось на перекрытия боковых нефов?

Позволим себе обратить внимание на два важных письменных источника. Первый из них — запись в путевом дневнике Франсиско де Миранды³, датированная 1787 годом, т. е. за семь лет до записи Палласа:

13 января [1787] <...> Мы тотчас же отправились в главную мечеть, как-то является далекой от совершенства имитацией наиболее крупных мечетей Константинополя. По форме это параллелограмм, где малые купола образуют просторный перистиль, а внутренняя центральная часть заканчивается большим куполом наподобие того, что в Св. Софии, и по два малых купола с каждой стороны. Напротив или в алтаре есть глубокая ниша, посредине которой лежит кусок «зеленого камня» величиной около фута, взятый, по словам муллы, из райского сада. Он поведал и другие истории, сообщил, что в мечети зимой холодно, а летом жарко, уверял, будто тот, у кого совесть нечиста, не может там спать, и тому подобные чу-

3 Себастьян Франсиско де Миранда-и-Родригес (1750–1816) — борец за независимость испанских колоний в Южной Америке, национальный герой Венесуэлы. Задачей его дипломатических миссий в Европе был поиск поддержки в борьбе с Испанией. В 1786–1787 годах через Константинополь, Таврию, Киев, Москву совершил путешествие до Санкт-Петербурга, откуда отбыл в Стокгольм.

деса. Имеются балкон, или кафедра для муфтия, канделябры и т. д., как в константинопольских мечетях [21, с. 68–69].

Миранда — опытный путешественник, наблюдательный офицер и дипломат с университетским образованием, поживший в европейских столицах, до поездки в Крым побывавший в Константинополе и накопивший материал для сравнения. Если он отметил только «по два малых купола с каждой стороны», нет оснований ему не верить — или, во всяком случае, верить меньше, чем натуралисту Палласу. Но почему-то этот доступный источник, упомянутый даже в Википедии⁴, не был востребован, кажется, никем из авторов, специально писавших о мечети Кефе.

Второй источник — дневниковое описание достопримечательностей Каффы-Феодосии, выполненное П. И. Сумароковым в 1799 году, т. е. через 5 лет после Палласа. Этот источник упомянут в статье В. П. Кирилко лишь в связи с использованием спойл [13, с. 229]. Между тем в записи от 30 мая читаем:

Главная мечеть с одною Минаретою, обширностию более Московского Успенского Собора, есть огромное и весьма хорошее строение. Она сделана из обожженных кирпичей с 10 на ней куполами, из коих на одном главном только осталась в целости свинцовая его крышка [27, с. 136].

Снова — десять куполов, и за вычетом центрального и пяти, перекрывающих портик, остаются четыре, т. е. по два над каждым из боковых нефов.

Странная ситуация: в одном и том же сооружении один наблюдатель в 1787 году насчитывает 10 куполов, другой в 1794-м описывает 12 куполов, третий в 1799-м снова видит десять... Казалось бы, если единственный источник противоречит двум другим, вывод исследователя предсказуем. Однако один из этих двух (а именно Миранда) «теряется», второй (Сумароков) купируется, а вот тот, который им противоречит (Паллас), действительно остается единственным и превращается в фигуру умолчания, «поскольку достоверно известно».

4 URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Биюк_Джами_\(Феодосия\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Биюк_Джами_(Феодосия)) (дата обращения: 26.12.2021).

2. Николай Львов
 Профиль кефской
 мечети. Зарисовка
 в путевой тетради
 Август — начало
 сентября 1803
 РО ИРЛИ. 16470 /
 CIV620. Путевая тетрадь
 № 3. Л. 49

Наконец, еще один важный аргумент — карандашная зарисовка Н. А. Львова, сделанная во время командировки на Кавказ и в Крым летом 1803 года; этот рисунок стал аргументом для идентификации памятника на акварели А. Н. Воронихина [28, ил. 49; 31, с. 230–231]. Зарисовка воспроизведена в статье В. Кирилко, но оставлена без комментариев [13, с. 227]. Следует напомнить, что академик Львов, переводчик и иллюстратор трактата Андреа Палладио, был практикующим архитектором-неоклассицистом, строившим храмы в Петербурге, Могилеве, Торжке, Валдае, Выборге и ряде усадеб [3; 20; 25], так что от него, в отличие от Палласа, ошибки в восприятии и передаче архитектурной формы ждать не приходится. На рисунке, подписанном «Профиль кефской мечети», интерьер здания запечатлен по поперечной оси, с востока на запад, и отчетливо видны два прохода в западный неф, оформленные в виде стрельчатых арок, разделенных широким столбом или простенком; за правой (на рисунке) аркой виден парус, заставляющий предположить купольное перекрытие северо-западной ячейки. (Ил. 2.) Западный неф здания, изображенного Львовым, трудно реконструировать иначе как составленный из двух купольных ячеек, разделенных общей подпружной аркой. Сложно предположить, что план и композиция восточного нефа отличались от западного, — в истории архитектуры османской мечети известны различные конструкции перекрытий в боковых неффах одного здания (например, замена полусферического купола на лотковый или зонтичный свод, как в Юч Шерефели-джами в Эдирне), но симметрию плана такие конструктивные изменения не нарушали.

Трудно объяснить также, как две ячейки каждого из боковых неффов, разделенные лишь одной опорой (четко видимой и на плане Гесте, и на рисунке Львова), вообще можно было перекрыть тремя куполами, а также зачем это нужно было делать, — это как противоречит логике архитектурной конструкции, так и не находит аналогий во всей истории османской культовой архитектуры.

Исходя из всего сказанного, реконструкция Биюк-джами должна выполняться на основании достаточных и легко согласуемых друг с другом источников — как изобразительных (план В. Гесте, зарисовка интерьера Н. А. Львова), так и текстовых (записи Ф. де Миранды и П. И. Сумарокова). Нет оснований оспаривать упомянутые описания Б. Н. Засыпкина и С. Г. Бочарова, представлявших перекрытие молитвенного зала кефинской мечети пятью куполами. Далее план данно-

го памятника мы будем рассматривать как подкупольный квадрат, фланкированный четырьмя пониженными купольными ячейками, а основной объем — как пятикупольный, считая первый из поставленных выше вопросов («Какой была Биюк-джами?») решенным.

Впрочем, необходимо заметить, что на самом деле ни записи Миранды и Сумарокова, ни графика Гесте и Львова не опровергают странного замечания Палласа: естествоиспытатель лишь упомянул, что мечеть «с трех сторон еще имеет одиннадцать маленьких куполов», но не указывал, как именно они расположены и что ими перекрыто. То, что «остальные симметрично перекрывали боковые компартименты молитвенного зала», — это мнение не Палласа, а В. П. Кирилко [13, с. 229], и эти «остальные» (т. е. шесть куполов) получены простым вычитанием пяти (куполов фасадного портика) из указанного Палласом общего числа «одиннадцать». Нельзя исключать, что Паллас действительно насчитал одиннадцать куполов вокруг основного большого купола над объемом мечети, включив в это число, например, покрытие *шадырвана* (фонтана для омовений, обычно располагавшегося перед мечетью) и/или сводчатые перекрытия крылец, примыкающих к боковым стенам здания на плане Гесте. Подобные крыльца есть, например, в Баязид-джами в Амасье (1486) и Селим Явуз-джами в Стамбуле (1520–1522) [51, pp. 231–233; 52, pp. 82–85, 58–60]. На протяжении нескольких столетий, прошедших с момента строительства кефинской мечети до визита в Крым Палласа, рядом со зданием мечети могли появляться сооружения, имевшие купольные завершения (*шадырван*, водоразборные фонтаны-*себили*, мавзолеи), «учтенные» лишь одним из нескольких очевидцев [49].

Второй вопрос, на который необходимо ответить, — каковы были архитектурные источники именно такой мечети, появившейся в османском Кефинском санджаке, каковой реконструируется Биюк-джами?

Отправным пунктом для любых попыток типологического рассмотрения османского культового зодчества остается хрестоматийная монография А. Курана «Мечеть в раннеосманской архитектуре» (1968). Рассматривая в качестве «раннеосманских» памятники XIV — начала XVI века, турецкий исследователь выделил три типа планировочно-композиционных решений:

1) *single-unit mosque* — здание, композиция которого сводится к одной (или очевидно доминирующей) ячейке, как правило, перекрытой куполом; внутри этого типа выделены «мечеть с единым объемом» (*single-unit mosque with complex massing*) и «мечеть с разделенным интерьером» (*single-unit mosque with articulated interior*);

2) айванная мечеть — здание с выраженной центральной планировочной секцией, вокруг которой группируются другие ячейки; тут выделены подтипы «осевая айванная мечеть» (*axial eyvan mosque*) и «айванная мечеть с пересекающимися осями» (*cross-axial eyvan mosque*);

3) *multi-unit mosque* — мечети, пространство которых состоит из нескольких объемов; выделены подтипы «с одинаковыми ячейками» (*with similar units*) и «с различными ячейками» (*with dissimilar units*) [52, p. VIII, 27].

Рассматриваемая мечеть Кефе однозначно должна быть отнесена именно к последнему подтипу зданий с различными ячейками. К этому же типу А. Куран отнес упомянутые мечети Юч Шерефели в Эдирне, Баязидие в Амасье, стамбульские Фатих и Атик Али-паша; развитие этого типа отражает магистральную линию эволюции османского зодчества, направленную на создание центрического зального пространства, венцом которой (следуя логике Курана) стала построенная Синаном Шехзаде-джами (1543–1548), знаменующая вступление османского зодчества в «зрелую» (классическую) стадию [17]. Однако нетрудно заметить, что крымская Биюк-джами, заложенная после 1475 года (когда был образован Кефинский санджак), оказывается в стороне от османского архитектурного мейнстрима: перед ее создателями явно не стояли задачи ни расширить вместимость молитвенного помещения с помощью боковых айванов и/или развитой михрабной ячейки, ни достичь эффекта зального пространства, экспериментируя с перекрытием компартиментов полукуполами (как в комплексах Мурада II в Бурсе и Эдирне, в стамбульских мечетях эпохи Мехмеда II — Эйюп, Фатих, Рум Мехмед-паша, и более поздней Атик Али-паша [15, с. 352–362; 40, pp. 99–114; 42, pp. 114–115, 121–122; 51, pp. 177–180; 52, pp. 96–97]).

Очевидно, что рассматриваемое сооружение не являлось дворянской обителью — *завие* (из-за отсутствия дополнительных изолированных помещений-*табхана* либо пристроенных по примеру Баязид-джами в Эдирне корпусов-*текке*) [26; 52, pp. 56–59]. В то же время и размеры, и планировка кефинской мечети указывают на то, что она не являлась и обычным квартальным *месджитом* — подобные молит-

венные сооружения имели меньшие размеры и обходились и без нефов, и без купольного перекрытия (выделенный А. Кураном композиционный тип *single-unit mosque with complex massing*; наиболее близкими по времени, но не единственными сохранившимися примерами являются Фируз-ага-джами в Стамбуле, 1491, и Гази Атик Али-паша-джами в Эдирне, 1506 [15, с. 381–385; 42, p. 167; 52, pp. 58–60]).

На достаточно узкой шкале функциональной типологии раннеосманского культового зодчества для постройки в Кефе остается лишь место *улу-джами* — городской (часто «соборной») мечети, закладывавшейся, как правило, в честь победы мусульманского оружия [15, с. 315–318; 18; 56, p. 60]. Падение крымского княжества Феодоро в 1475 году [6, с. 361–363; 22, с. 500–504] могло (и должно было) явиться достаточным поводом для подобного акта в административном центре новообразованного османского санджака, хотя и сам этот акт мог быть отложен, и появившаяся *улу-джами* через некоторое время могла быть перестроена.

Архитектура раннеосманских *улу-джами* полностью укладывается в композиционный тип (по Курану) *multi-unit mosque*, однако после возведения в 1447 году эдирнской Юч Шерефели-джами строительство зданий этого типа в османских столицах шло по пути «втягивания» боковых ячеек в подкупольное пространство. Как уже говорилось, зодчий мечети в Кефе эту задачу игнорировал. Отсутствие перед основным архитектурным объемом двора, окруженного галереями (подобно крупнейшим культовым зданиям Стамбула и Эдирне), свидетельствует и о том, что в процесс трансформации многокупольных *улу-джами* в новый архитектурный тип — «большую османскую мечеть» [16, с. 93–110] — рассматриваемый памятник также не был включен.

Сказанное заставляет отказаться от поисков столичных (стамбульских или эдирнских) образцов кефинской Биюк-джами и искать ее аналоги в раннеосманском провинциальном культовом зодчестве, но лишь там, где сохранялись собственные архитектурные школы: после османского завоевания большинства анатолийских *бейликов* (княжеств) местные традиции культового строительства, восходившие к типам мечетей султаната Сельджуков Рума, нивелировались активным цитированием османских памятников, чему способствовал патронат назначенных из центра администраторов [15, с. 373–455; 57].

Таким центром в конце XV — начале XVI века являлась прежде всего Маниса (лидийская Магнесия-у-Сипила) — бывшая столица приэгейского бейлика Сарухан, окончательно подчиненного Османами

3. Чешнигир-джами, 1474
Маниса. Аэрофотосъемка

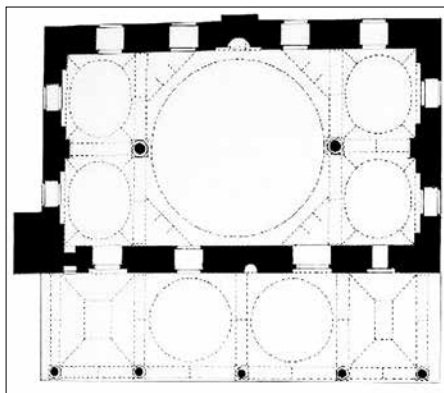
в 1410-х годах. Близость процветающего густонаселенного города к морю, удобная связь со столицами — анатолийской Бурсой и румелийским Эдирне, а позже — со Стамбулом обеспечили его превращение в любимую резиденцию султанов (именно сюда перебрался Мурад II, передав в 1444–1446 годах управление государством Мехмеду II, и сюда же отстраненный от власти Мехмед II был «возвращен»), некоторые из которых здесь и родились. Наместниками Саруханского санджака назначались наиболее перспективные потенциальные престолонаследники-шехзаде (что, помимо управленческого опыта, давало им возможность в случае смерти отца быстрее конкурентов достичь столицы и принять присягу войск и чиновников); здесь, в частности, в 1480–1500-х годах последовательно «стажировались» сыновья Баязида II Абдулла, Алемшах, Коркут, Махмуд, позже губернаторами Манисы служи-

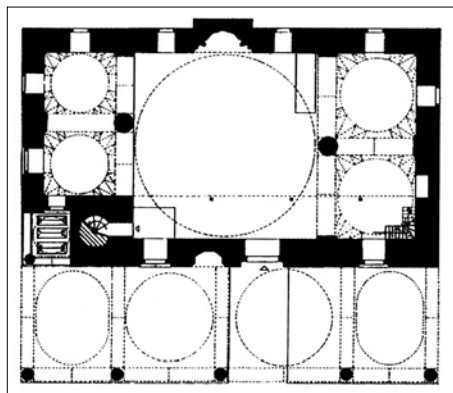
4. Чешнигир-джами, 1474
Маниса. Интерьер. Вид с запада
Фото Е. Кононенко, 2014

ли будущие султаны Сулейман I, Селим II, Мурад III, Мехмед III [36, pp. 22–23]. Наряду с Бурсой Маниса — «город принцев» — стала местом, куда удалялись (добровольно или принудительно) женщины монаршей семьи, чье присутствие не было необходимым (или желательным) в Стамбуле. Это обеспечило формирование здесь своеобразного «малого двора», представленного заказчиками, обладавшими административными и финансовыми ресурсами для культурного (в том числе архитектурного) патроната, и способного формировать художественный вкус будущих монархов [34; 39; 43; 66, pp. 67–70].

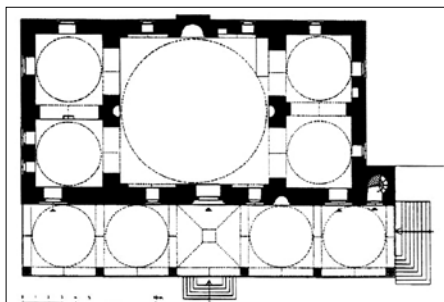
Именно в Манисе в последней четверти XV — первой четверти XVI века появилась компактная группа мечетей, в которых центральный подкупольный квадрат фланкирован боковыми нефами, составленными из двух купольных ячеек.

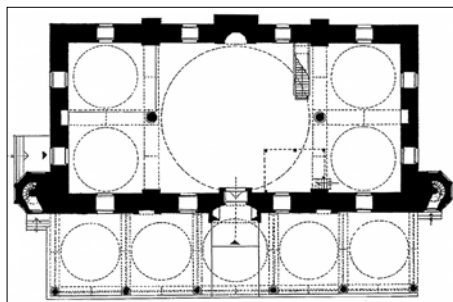
5. Чешнигир-джами. План [39]

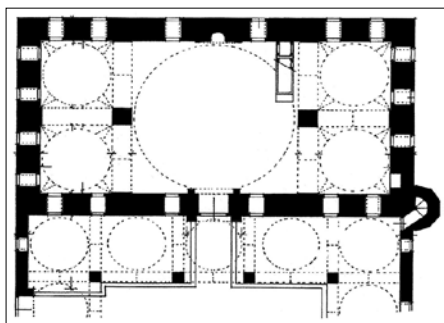
6. Иваз-паша-джами. План [64]

7. Хатуние-джами. План [64]

8. Хафса Султан-джами. План [48]

9. Гюзельдже Хасан-бей-джами. План [46]

Самым ранним сохранившимся памятником этой группы является Чешнигир-джами, построенная в 1474 году Чешнигиром Синаном-пашой, вольноотпущенником Мехмеда II. Объем здания получил позднейшие добавления (контрфорсы, флигель библиотеки с отдельным входом), но первоначальная архитектура мечети легко реконструируется. Зал перекрыт куполом диаметром около 8 м на сталактитовых тропях, распор которого в боковых направлениях передается на четыре угловые ячейки, перекрытые куполами на овальных основаниях. Подпружные арки куполов боковых нефов опираются на два мраморных фуста с разными капителями. Необычным для османской архитектуры является предварение молитвенного зала галереей, составленной не из пяти, а из четырех ячеек, что заставило зодчего сместить проход в молитвенный зал и расположить единственную михрабную нишу «места для последней общины» почти на продольной оси здания. Центральные секции галереи перекрыты куполами, боковые — зеркальными сводами. В отличие от большинства раннеосманских мечетей, высота фасадного портика и граненые барабаны его секций обеспечивают акцентирование куполов галереи по сравнению с куполами боковых нефов. (Ил. 3–5.)

Криволинейность плана зала, неправильные овальные основания куполов боковых нефов, необходимость в контрфорсах стены киблы, фасадный портик из четного количества ячеек заставляют предположить неопытность мастера, стремившегося воспроизвести единство зального пространства, ранее достигнутое в стамбульской Фатих-джами, но без южного поперечного нефа с полукуполом над центральной секцией и «статусного» двора. Вероятно, нормативный столичный образец, вдохновлявший османских зодчих целое столетие, был хорошо известен заказчику, служившему Мехмеду II, но по каким-то причинам (плохая выучка местного архитектора, небольшой участок земли, отсутствие необходимости в большом молитвенном здании) мечеть Чешнигир приняла вид улу-джами, лишенной обычных для этого архитектурного типа триумфальных коннотаций и адаптированной к выполнению функций квартального *месджита*.

Это позволяет рассматривать Чешнигир-джами как результат развития композиционных новаций эдирнской Юч Шерефели-джами, приведшего не к новому столичному типу «большой османской мечети», а к созданию провинциальной версии трехнефных культовых зданий.

Следующим памятником выделяемой «манисской группы» стала мечеть Иваз-паша (Чайбаши), возведенная через 10 лет после Чешнигир-джами, в 1484 году на юго-западном выезде из города [41, pp. 195–196; 64, pp. 447–456]. Небольшое (18,55 × 12,74 м) прямоугольное здание разделено на три нефа колоннами-сполиями, несущими чуть повышенные арки. Центральный квадрат перекрыт куполом диаметром 8,2 м, поднятым на восьмигранный световой барабан, опирающийся на сталактитовые тромпы. Четыре угловые ячейки молитвенного зала также перекрыты куполами с высокими гранеными барабанами. Особенностью композиции Иваз-паша-джами является размещение в выступе в ее северо-восточном углу гробниц, из-за чего зодчему пришлось сдвинуть минарет ближе к продольной оси здания. Этот выступ и основание минарета вынудили на четверть сократить длину восточного нефа, соответственно уменьшив планировочные ячейки, диаметр перекрывающих их куполов, а также переместив опорную колонну ближе к стене киблы. Ни на членение интерьера, ни на восприятие его как трехнефного, ни на создание пятикупольного объема здания эти вынужденные манипуляции не влияют. Необходимо отметить, однако, что готовность архитектора менять размер куполов не отражается на северном портике, спроектированном по образцу Чешнигир-джами: его высота превышает высоту боковых нефов, составлен он из четырех ячеек, проход в зал сдвинут к западу от продольной оси. Зодчему не понадобилось комбинировать различные перекрытия портика, однако купола над крайними ячейками получили овальные основания. (Ил. 6, 10.)

Около 1490 года была воздвигнута Хатуние-джами, являющаяся примером архитектурного заказа монаршей семьи в провинции: возведение этой мечети приписывается и самому султану Баязиду II в честь супруги Хюсюшах-хатун, державшей «малый двор» в бывшей столице Сарухана, и старшему сыну Баязида II Шахиншаху в честь матери, и самой царственной даме⁵. Постройка в историческом центре Манисы оказалась крупнее предшественницы, но интерьер вытянутого (24 × 11,2 м) в поперечном направлении здания вновь разделен на три нефа: к подкупольному квадрату с запада и востока примыкают по две

5 Правда, сопоставление дат в источниках показывает, что к моменту строительства мечети Шахиншах уже несколько лет служил в Конье, а сама Хюсюшах-хатун находилась в Карамане [39, pp. 94–95, 99; 42, p. 158; 60, p. 43].

10. Иваз-паша-джами, 1484
Маниса. Фото Ю. Вурмаза,
2019

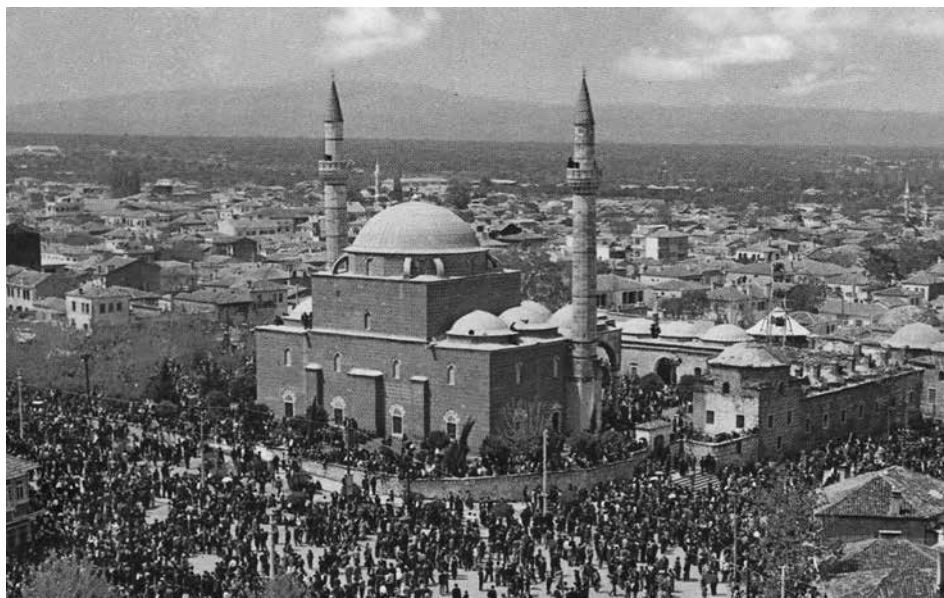

11. Хатуние-джами. Около 1490
Маниса. Вид с юго-востока
Фотография. 1960-е

купольные ячейки, отделенные Т-образными в сечении столбами. Купола северной пары ячеек интерьера не имеют барабанов, из-за чего здание лишено уже привычной 5-купольной композиции. Молитвенный зал предварен портиком из пяти ячеек (центральная перекрыта зеркальным сводом, боковые — куполами), подпружные арки парусов которых опираются на колонны-сполии. Ширина портика превышает поперечное измерение молитвенного зала, и в западной секции размещен вход на минарет — создается впечатление, что для архитекторов Манисы переход от уже привычных четырех секций северной галереи к пяти по какой-то причине представлял сложность. (Ил. 7, 11.)

Самая поздняя из трехнефных мечетей Манисы — Хафса Султан-джами (Валиде Султан-джами, 1522), центр благотворительного комплекса (куллие), основанного вдовой Селима I Явуза и матерью взойшедшего на престол Сулеймана I Великолепного. Автором этого здания иногда называют Аджема Али, предшественника Синана на посту главного придворного архитектора, но подтверждения такой атрибуции нет [48; 50, pp. 47–56; 51, p. 234].

Центральная часть молитвенного зала Хафса Султан-джами представляет собой кубическое основание для купола диаметром 12,3 м. До трех пятых высоты куба поднимаются боковые нефы, каждый из которых разделен на две квадратные в плане ячейки, перекрытые

12. Хафса Султан-джами, 1522
Маниса. Вид с юго-востока
Фотография. 1967

5-метровыми куполами; в интерьере их стрельчатые подпружные арки опираются на мраморные колонны, пилястры и консоли. Архитектор добился предельной симметрии и геометрической ясности плана молитвенного зала и предварил его обычным для раннеосманского культового зодчества купольным портиком из 5 ячеек, торцы которого продолжают линию боковых стен здания. (Ил. 8, 12–13.)

Главное «статусное» отличие мечети первого комплекса, заложенного османской «королевой-матерью», — наличие двух минаретов на северных углах зала, указывающее на высочайший патронат; тем не менее архитектурно оформленного двора Хафса Султан-джами лишена — подобную «узурпацию» неременной композиционной части монаршей «большой османской мечети» смогут себе позволить только *валиде султан* («вдовствующие императрицы») второй половины XVI — первой половины XVII века — периода, вошедшего в историографию Османской империи как «женский султанат» (*Kadınlar saltanati*) [47]. С одной сторо-

13. Хафса Султан-джами. 1522
Маниса. Интерьер. Вид с северо-востока. Фото Е. Кононенко, 2014

ны, уже это четко демонстрирует внимание и заказчика, и архитектора к выражаемой мечетью политической риторике; с другой, обращение в столь значимом заказе к модели трехнефной пятикупольной мечети, закрепившейся в культовой архитектуре Манисы, свидетельствует об осознанной необходимости следовать местной традиции.

Четыре мечети, возведенные в административном центре Сарухана между 1474 и 1522 годами и характеризующиеся единством планировки и композиции, позволяют не только выделить в типологии османской мечети особую «манисскую модель», но и рассматривать ее как иллюстрацию особого вектора эволюции раннеосманской улу-джами. Как и в случае со стамбульскими «большими османскими мечетями», формирование которых следует считать мейнстримом «классического» османского культового зодчества, этот вектор отталкивается от эдирнской Юч Шерефели-джами, но в силу более скромных риторических и архитектурных задач привел к появлению вместительных

трехнефных культовых зданий с пятикупольными объемами молитвенных залов и без двора-*сахна* [37, pp. 315–325]. Очевидно, подобные здания равно отвечали как социальным запросам мусульманских общин провинциальных городов, так и требованиям заказчиков, знакомых с образцами столичной архитектуры, но не обладавших статусом, отражаемым «большой османской мечетью».

Необходимо оговорить, что «манисская модель» османской мечети не локализуется в Манисе или Сарухане. На рубеже XV–XVI веков во фракийском Хайраболу (византийский Хариополис) была возведена Гюзельдже Хасан-бей-джами (она же Улу-джами), архитектура которой воспроизводит маниссские памятники: подкупольный квадрат молитвенного зала перекрыт куполом диаметром 10,3 м, два столба в интерьере отсекают боковые нефы из двух купольных ячеек. Исходя из архаичных для фракийских мечетей форм и доверившись мнению С. Эйдже (одного из крупнейших турецких историков архитектуры), А. Куран датировал постройку 1406 годом и рассматривал ее как предшественницу Юч Шерефели-джами в отношении и появления пятикупольного объема, и «возвращения» двора в композицию османской мечети [40, p. 110; 52, p. 182]. На самом деле *вакф* (благотворительный фонд) этой мечети был учрежден лишь в 1504 году; в 1970-х в ходе расчисток над входом в мечеть обнаружена надпись с датировкой 905 годом хиджры (1499/1500) [63, pp. 24–25]. Окружающие двор галереи, по высоте равные боковым нефам зала (по образцу Улу-джами в Манисе), принадлежали примыкавшей коранической школе и не были соединены с фасадным портиком мечети [46, pp. 42–43]; аналогичным образом оформлены площадки перед портиками в синановских Михримах Султан-джами у Эдирнекапы и Соколлу Мехмед-паша-джами в Кадырга. (Ил. 9, 14.)

Следует обратить внимание, что ведущий в современный двор боковой восточный портал оформлен как павильончик, перекрытый куполом, опирающимся на колонны-сполии, — не подобный ли купол, не имеющий отношения к основному объему мечети, был «учтен» в описании П. Палласа?

«Перенесение» во Фракию «манисской модели» мечети может объясняться обстоятельствами заказа. Основателем вакфа Гюзельдже Хасан-бей-джами назван Хасан-бей Абдулла-оглу, о котором известно лишь то, что он был военачальником Баязида II и одним из его зятьев (*дамат*). Некоторые османские источники (далеко не всегда внимательные к судьбам многочисленных «принцесс») позволяют считать

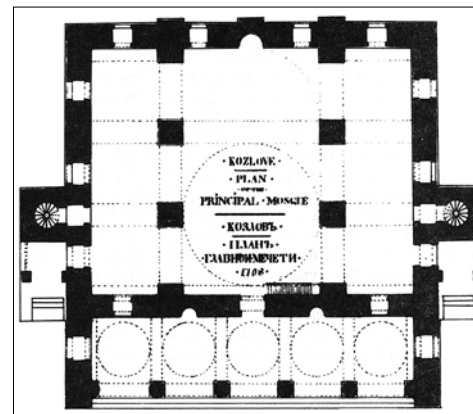
14. Гюзельдже Хасан-бей-джами
Около 1500. Хайраболу. Вид с востока
Фото Л. Ботеча, 2018

Хасан-бей мужем Софийе Фатмы-султан, родной сестры шехзаде Коркута, дочери Баязида II от его первой жены Нигяр-хатун [65, p. 49]. С 1483 по 1502 год Коркут, считавшийся наиболее перспективным престолонаследником, служил санджакбеем именно в Манисе, сменив на этом посту своего брата Абдуллу; в конце 1490-х годов Нигяр-хатун, покинув Стамбул, находилась в Манисе вместе с сыном [62, pp. 659–674]. Легко предположить, что заказчик — служивший во Фракии *дамат* — отдал предпочтение «манисской модели» мечети благодаря супруге или саруханскому мастеру, приглашенному «по родственным каналам» в Хайраболу.

Отметим, что это лишь одно из возможных объяснений, которое с легкостью может быть опровергнуто привлечением других источников и исследований, иначе реконструирующих родственные связи в семье Баязида II [36; 58; 60]. Но в любом случае распространение «манисской модели» во Фракию демонстрирует если не нормативность архитектурных приемов, то единство конструкции и композиции в османском провинциальном архитектурном патронате на рубеже XV–XVI веков и разработку архитектурных форм, соответствующих потребностям локальных административных центров и представляющих альтернативу столичным «большим османским мечетям».

В этом свете совершенно естественно, что «манисская модель», уже известная на берегах Эгейского и Мраморного морей, была использована для строительства мечети в административном центре нового причерноморского санджака Кефе. Победы над христианами Крыма и присоединение территории к Османской державе являлись достаточным поводом для возведения улу-джами, но в то же время ни статус города, ни фигура санджакбея, очевидно выступавшего патроном строительства, ни финансирование отдаленной провинции не предполагали попыток возведения здесь «большой османской мечети». В то же время поиски архитектурной композиции вместительной городской мечети, основанной на окружении центрального купола полукуполами, которые довольно активно велись в культовом зодчестве Центральной и Восточной Анатолии (Улу-джами в Эльбистане, 1490–1505; Фатих-паша-джами в Диярбакире, 1518–1520), кажутся конструктивно слишком сложными для недавно османизированного Крыма. Стоит отметить, что в те же годы, когда Саруханом управлял шехзаде Коркут, при котором в Манисе построены мечети Иваз-паша и Хатуние, а в Хайраболу его зятем возведена Гюзельдже Хасан-бей-джами, санджакбеем Кефе в 1497–1504 годах (по другим источникам — до 1507) служил единокровный брат Коркута шехзаде Мехмед (при котором, кстати, находилась и его мать Ферахшад-хатун), вступивший в брак с Айше-хатун, дочерью крымского хана Менгли I Герая [2, с. 121; 23, с. 19; 65, р. 46]. Мог ли один брат (или его мать) «командировать» к другому местного архитектора, например, для строительства мечети, знаменующей объединение двух правящих мусульманских династий? Очевидно, саруханские зодчие имели равные возможности работать и в Хайраболу, и в Кефе.

Напомним, что существование в Кефе Большой мечети отмечено в переписи 1520-х годов. Сомнительно, что культовое здание, соответ-

15. Вильям Гесте. Хан-джами. План 1798 [http://www.krimoved-library.ru]

16. Хан-джами, 1552
Гёзлёв (Евпатория)
Аэрофотосъемка

ствовавшее «манисской модели», последний памятник которой датируется 1522 годом, было построено в крымском городе в более позднее время; следует предполагать, что к моменту составления документа мечеть «манисской модели» в Кефе уже существовала. Правда, как уже указывалось выше, остается вероятность, что статус *Cami-i kebîr* эта постройка могла получить и позднее, однако трудно предположить сосуществование двух зданий «больших мечетей» на центральной площади на ограниченной территории Кале-Бурун, — во всяком случае, в небольшом провинциальном городке в этом не было ни ритуальной, ни риторической необходимости.

Вернемся к тексту Эвлии Челеби, который, описывая кефинскую Биюк-джами, указал: «Соборная мечеть шехзаде Сулейман-хана. Он построил ее, когда здесь правил» [33, с. 181]. Сулейман был назначен санджакбеем Кефе в 1509 году после казни своего дяди шехзаде Мехмеда. Хотя у него уже был опыт административной службы в городе Болу, вряд ли «правление» 13-летнего юноши было самостоятельным. Кроме того, необходимо иметь в виду, что во время нахождения в Крыму Сулейман — внук правящего султана Баязида II — мог носить титул *шехзаде* не как престолонаследник, но лишь как «потомок по мужской линии», причем его отец шехзаде Селим имел гораздо меньше шансов занять османский престол, нежели другие сыновья Баязида II

Шахиншах, Ахмет и Коркут [58, pp. 16–40; 66, pp. 31–33, 42–55]. После воцарения Селима I в 1512 году Сулейман не только обрел статус наследника престола, но и получил новое перспективное назначение — санджакбеем именно в Манису. Вполне можно допустить, что после этого назначения саруханский архитектор, знакомый с «манисской моделью», был отправлен для строительства мечети в причерноморский город, где ранее служил новый губернатор. Такое внимание к далекому Крыму можно оправдать как поддержкой, оказанной Менгли I Гераем шехзаде Селиму в борьбе за власть, так и династическими связями (одной из жен будущего султана Селима I и мачехой Сулеймана стала упомянутая выше Айше-хатун, вдова казнённого шехзаде Мехмеда, да и происхождение матери Сулеймана, патрона манисской мечети Хафсы Султан, часто связывают с династией крымских ханов [66, pp. 36–39]). Объяснить особый интерес к культовому строительству в заморском Кефинском санджаке Сулеймана I, ставшего султаном в 1520 году и сразу вовлечённого в войны с Венгрией и госпитальерами Родоса, оказывается сложнее.

Датировка крымского памятника «до 1520 года» согласуется не только с архитектурными аналогами «манисской группы», но и с упоминаемыми «привязками» названия мечети к султану Селиму и шехзаде Сулейману. Отметим, что такая же датировка была ранее предложена А. П. Григорьевым в историографической статье о книге Эвлии Челеби [7, с. 27–28].

Феодосийская Биюк-джами регулярно с разной степенью категоричности и аргументации связывается с Синаном. Видимо, впервые на эту связь указал Б. Н. Засыпкин в статье 1927 года: «Надо предполагать, что мечеть в Феодосии, построенная несомненно в XVI в., была тесно связана с именем Ходжи Синана» [1, с. 294] (здесь надо обратить внимание, что Засыпкин датировал Биюк-джами, называемую им «мечетью Султана Селима», серединой XVI века, что отчасти оправдывало атрибуцию). Почти через полвека А. П. Григорьев, предложив более раннюю датировку, оговорил, что поскольку мечеть в Кефе «ближе всего стоит к стамбульской Шахзаде, будучи гораздо проще ее по формам», то относится к наиболее раннему этапу творчества Синана [7, с. 27–28; 13, с. 231]. Однако зал Шехзаде-джами (1543–1548) являет собой совершенно иную композицию, основанную на квадрифолии полукуполов [17, с. 250–279]; А. Куран отнес подобные здания к особому подтипу композиции сооружений, объединяющей различные планировочные

ячейки (*multi-unit mosque with dissimilar units*), и именно Шехзаде-джами представлена им как «воплощение идеального здания» и венец типологии раннеосманской мечети [52, pp. 160, 196–198, 211]. В сравнении с Шехзаде-джами любая более ранняя мечеть должна рассматриваться как более простая, и подобное сравнение, тем более лишенное аргументации, не может быть использовано ни для датировки, ни для атрибуции архитектурного памятника.

С. Г. Бочаров, систематизировав в публикации 2016 года памятники мусульманской культовой архитектуры Кефе, безапелляционно указал, что мечеть, обозначенная им как J 14 (Султан Селим[-джами]), — «центральная мечеть города, построена Ходжой Синаном» [2, с. 127]. Никакой аргументации этого заявления, равно как и датировки, не приведено.

В недавней статье Л. Р. Хантемировой о мечети в Гёзлёве (Евпатории) оригинально сформулировано следующее «предположение»: «Феодосийская мечеть не значится в списке сооружений Ходжи Синана, однако имеются довольно убедительные доводы в пользу того, что он мог быть ее автором. Если это так, то мечеть в Кефе — один из первых архитектурных опытов Синана в Крыму. В основу этой постройки положено почти такое же конструктивное решение, как и в константинопольской Софии. Известно, что Кефе, став резиденцией турецкого пашы, оставался большим торговым центром. По-видимому этим и было вызвано строительство большой купольной мечети. Паша не замедлил выписать из Стамбула известного придворного зодчего, чтобы построить лучший по тому времени мусульманский храм. Быть может, во время пребывания Ходжи Синана в Крыму, т. е. в 1522 году, крымский хан решил построить подобную же мечеть в своем Гёзлёве» [29, с. 255]. Не будем напоминать, что мечеть храмом не является; однако отметим странный метод работы: допускается существование аргументов, противоречащих имеющимся источникам, на основании этого допущения делается предположение, и далее автор опирается на выводы из этого предположения... Какое именно «почти такое же конструктивное решение» объединяет Биюк-джами и Св. Софию? Если трехнефный план и купольное перекрытие — то таковы большинство крупных византийских храмов и османских мечетей. Кто был тот «турецкий паша», который, сидя в Кефе, мог запросто «выписать» к себе *придворного* (т. е. подчиненного лично султану) архитектора? Далее, правда, автор «оговаривает», что архитектурная карьера Синана началась только в 1530-х годах, игнорируя логичные вопросы — что Синан делал в Крыму в 1522 году, почему

именно в 1522-м, какая его постройка могла вдохновить хана, если до 1530-х годов Синан не проявлял себя как архитектор?.. Как увязывается предположение о том, что идея строительства гёзлёвской мечети возникла в 1522 году, с категоричным выводом: «Начало строительства мечети относится к 1552 г.»? [29, с. 257] Куда делись три десятка лет? Вопросов это чрезвычайно вольное «предположение» вызывает больше, чем дает ответов.

Следует заметить, что композиция Хан-джами в Гёзлёве полностью соответствует описанию П. Палласом кефинского памятника — она перекрыта 12 куполами, поскольку каждый из боковых нефов ее зала составлен из трех ячеек; но южные угловые ячейки не фланкируют подкупольный квадрат, а являются частью южного поперечного нефа, центральная секция которого перекрыта парусным сводом. (Ил. 15–16.) В данном случае вопросы, — что, как и зачем перекрыто тремя куполами, — неизбежные при обращении к реконструкции В. Кирилко, не возникают. Кроме того, планировка и композиция евпаторийской мечети имеют прямые параллели в османском зодчестве — в реконструируемой стамбульской «первой» Фатих-джами (1463–1470) и привлекаемой в качестве ее более поздней аналогии мечети Селима II в Конье (1558–1570) [42, pp. 117–130; 52, pp. 177–180, 192–193]; правда, в указанных османских памятниках михрабная ячейка перекрыта полукуполом. Добавим, что ни стамбульская Фатих, ни конийская Селимие (в отличие от Хан-джами) Синану не приписываются.

Не подтвержденная документами и никем никогда не доказанная атрибуция Биюк-джами как произведения Синана повторяется на «краеведческих» страницах интернета то как привлекательная гипотеза, то как непреложный факт, и у читателя после чтения невнятных текстов складывается впечатление, что либо Хан-джами в Гёзлёве построена по образцу мечети в Кефе, либо феодосийская Биюк-джами создана по образцу здания в Евпатории⁶.

В попытках приписать авторство кефинской мечети Синану необходимо поставить точку. В текстах, содержащих биографические данные о великом османском мастере, нет упоминаний о его посещении Крыма в 1520-х годах [53, pp. 30–55; 55, pp. 169–180]. Став военным инженером,

Синан участвовал в походах Сулеймана I на Белград, Вену, Багдад, Тифлис, строя дороги, мосты и укрепления, но самой ранней мечетью, строительство которой связано с Синаном, считается Хусрев-паша-джами у подножия цитадели Алеппо (1537; здание уничтожено в 2014-м) [61, pp. 245–249]. Только заняв около 1538 года пост главного придворного архитектора (*baş mahkeme mimarı*), Синан начал строить мечети в Стамбуле, причем патронами возводимых им объектов в столице долго оставались лишь члены монаршей семьи. Таким образом, датировка Биюк-джами «до 1520 года» (впрочем, как и 1522 годом) исключает какое-либо участие Синана в ее создании (на что ранее указывал, в частности, О. Гайворонский [5]); более поздние датировки, якобы согласуемые с творчеством Синана, противоречат османским архитектурным реалиям и выходят за хронологию существования «манисской группы» мечетей.

Новое обращение к литературным и графическим источникам реконструкции Большой мечети Кефе, поиск аналогов ее архитектуры и рассмотрение ее в контексте синхронного османского культового зодчества позволяют сформулировать целый ряд выводов.

Молитвенный зал Биюк-джами следует реконструировать как перекрытый пятью куполами, что подтверждается как словесными описаниями и документальными свидетельствами, так и синхронными османскими аналогами. Не подвергаемое сомнению членение каждого из боковых нефов Биюк-джами на две ячейки предполагает наличие лишь двух малых куполов с каждой стороны от центрального подкупольного пространства; иное противоречит как логике архитектурной конструкции, так и практике османской культовой архитектуры. Явное несоответствие единственного источника данным целого ряда очевидцев заставляет отнестись к описанию П. Палласа, взятому за основу для графически не подтвержденной вербальной реконструкции В. Кирилко, как минимум с осторожностью и не распространять его на основной объем феодосийской мечети [49].

Верхней границей строительства Биюк-джами следует считать 1520 год: во-первых, именно в этом году Большая мечеть упомянута в переписи населения Кефе, во-вторых, строительство данной мечети позже 1520 года противоречит ее связи с Селимом I и соответственно с шехзаде Сулейманом, именно в указанном году ставшим султаном; в-третьих,

6 См., в частности: [5; 14; 19; 32]; URL: <http://evpatoriya-history.info/religiozniesooruzeniya/mechet-juma-jami.php>; <https://grim.org/?p=10819>; URL: [https://www.wikiwand.com/ru/Биюк_Джами_\(Феодосия\)](https://www.wikiwand.com/ru/Биюк_Джами_(Феодосия)) (дата обращения: 26.12.2021).

более поздняя датировка не поддерживается османскими аналогами, представленными локальной «манисской группой» мечетей.

Принятие указанной датировки заставляет отказаться от приписывания авторства кефинского сооружения Синану. Попытки подобной «атрибуции», противоречащей как биографическим данным, так и практике османского зодчества, следует рассматривать как неаргументированные тенденциозные спекуляции.

Поиск композиционных аналогов Биюк-джами позволил выделить в османской культовой архитектуре особую «манисскую группу» мечетей. Эта группа характеризуется единством планировки и композиции (центральный подкупольный квадрат фланкирован боковыми нефами, составленными из двух купольных ячеек), датируется последней четвертью XV – первой четвертью XVI века (самый ранний памятник – 1474, самый поздний – 1522) и представлена прежде всего четырьмя мечетями Манисы. Включение в эту группу перестроенной Гюзельдже Хасан-бей-джами в Хайраболу и реконструируемой Биюк-джами в Кефе может быть объяснено династическими связями патронов культовой архитектуры. Разработка подобной модели мечети должна рассматриваться как провинциальная альтернатива (скорее – как одна из альтернатив) сложению к началу XVI века в османском столичном зодчестве модели «большой османской мечети», также опирающейся на планировочные, конструктивные и композиционные новации Юч Шерефели-джами в Эдирне. Выделение «манисской группы» мечетей позволяет не только уточнить датировку и аргументировать реконструкцию крымской Биюк-джами, но и расширяет представление о путях и направлениях развития османской культовой архитектуры «до Синана».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бабенко Г. А., Дюличев В. П. Шедевры мусульманской архитектуры Крыма. Симферополь: СГТ, 2008.
2. Бочаров С. Г. Мечети города Каффа (Кефе) в 1340–1779 годах // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 120–137.
3. Бочкарёва И. А. Н. А. Львов. Очерки жизни. Венок новоторжских усадеб. Торжок: [б. и.], 2008.
4. Высоцкий А. М., Шелов-Коведяев Ф. В. Первая церковь Апостолов в Константинополе и ее наследие в средневековом мире // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М.: Институт российской истории РАН, 1995. С. 65–82.
5. Гайворонский О. Мечеть султана Сулеймана (Биюк-Джами) в Кефе // Авдет. 2015. 29 сентября.
6. Герцен А. Г. Княжество Феодоро: от «альфы» до «омеги» // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2017. Вып. XXII. С. 361–363.
7. Григорьев А. П. «Книга путешествия» Эвлии Челеби — источник по истории Крыма XIII–XVII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. III. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. С. 19–28.
8. Ёлшин Д. Д. Софийский собор и Десятинная церковь: к вопросу об архитектурных параллелях // Архитектурное наследство. 2011. № 54. С. 26–30.
9. Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2 (4). С. 140.
10. Зиливинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. 1. Культовое зодчество. Казань: Отечество, 2014.
11. Зиливинская Э. Д. Однокупольные мечети в Крымском ханстве // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2020. Вып. XXV. С. 322–358.
12. [Келлер К. Э.] Донесение, представленное Императорской академии наук академиком Кёлером о путешествии его в Крым в 1821 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1872. Т. VIII. С. 372–396.
13. Кирилло В. П. Архитектура мечетей османского города Кефе (по материалам письменных и графических источников) // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2018. Вып. 10. С. 222–241.

14. Колобов А. А. Истоки османской Кефе. Выставка в Феодосийском музее древностей // Музеи России. URL: <http://www.museum.ru/N63343> (дата обращения: 26.12.2021).
15. Кононенко Е. И. Анатолийская мечеть XI–XV вв. Очерки истории архитектуры. М.: Прогресс-Традиция, 2017.
16. Кононенко Е. И. «Большая османская мечеть» // Культура Востока. Вып. 3: «Визитные карточки» восточных культур. М.: ГИИ, 2018. С. 92–117.
17. Кононенко Е. И. Мечеть Шехзаде в Стамбуле: к реконструкции первоначального замысла // Искусствознание. 2019. № 1. С. 250–279.
18. Кононенко Е. И. Улу-джами: история, особенности, возможности // Исламоведение. 2016. № 2. С. 73–83.
19. Лапин А. Хан-джами. Пятничная мечеть Евпатории // Путешествия по Крыму. URL: <https://sites.google.com/site/pheodosiya/han-dzami> (дата обращения: 26.12.2021).
20. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Гений вкуса: Н. А. Львов. Итоги и проблемы изучения. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2008.
21. Миранда Ф. де. Путешествие по Российской Империи. М.: МАИК Наука/Интерпериодика, 2001.
22. Мыц В. Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009.
23. Неделькин Е. В. Османская провинция Кефе в конце XV – первой половине XVI вв. // IV Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Бахчисарай, 8–9 сентября 2016. Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай: БИКАМЗ, 2016. С. 19–20.
24. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.: Наука, 1999.
25. Путятин И. Е. Кваренги и Львов. Рождение образа храма русского ампира. М.: МАКС Пресс, 2008.
26. Стародуб Т. Х. Средневековая архитектура, связанная с суфизмом: ханака, завия, такия // Суфизм в контексте мусульманской культуры. М.: Наука, 1989. С. 268–278.
27. Сумароков П. Пешком в историю. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году (главы из книги) // Казанский альманах. 2014. № 13. С. 130–139.
28. Тункина И. В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1971 гг. Киев: Болеро, 2011.

29. Хантемирова Л. Р. Джуми-джами — архитектурное произведение Ходжи Синана // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Труды IV Всероссийской научно-практической конференции, Евпатория, 25 мая 2018. Симферополь: Ариал, 2018. С. 253–257.
30. Храпунов Н. И. Новые времена, новая святость: о переосмыслении археологических памятников Крыма в начале российской эпохи // Миры Византии. Вып. 2. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. Симферополь: Институт археологии Крыма РАН, 2019. С. 409–430.
31. Храпунов Н. И. О крымских акварелях Андрея Воронихина // Боспорские исследования. 2020. Вып. XL. С. 230–231.
32. Щелканова А. Истоки османской Кефе в Феодосийском музее древностей // Kafabella. URL: https://kafabella.ru/novosti/news_post/istoki-osmanskoj-kefe-v-feodosiyskom-muzeje-drevnostey (дата обращения: 26.12.2021);
33. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: Доля, 2008.
34. Acun H. Manisa'da Türk Devri Yapıları. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1999.
35. Aga-Oglu M. The Fatih Mosque at Constantinople // Art Bulletin. 1930. Vol. 12. № 2. Pp. 179–195.
36. Alderson A. D. The Structure of Ottoman Dynasty. Oxford: Clarendon Press, 1956.
37. Anhegger R. Beiträge zur Frühosmanischen Baugeschichte II: Moscheen vom Bouschema der Üçşerefeli Cami in Edirne // Zeki Velidi Togan'a Armağan, İstanbul: Maarif Basımevi, 1955. S. 315–325.
38. Aslanapa O. Turkish Art and Architecture. New York: Praeger Publisher, 1971.
39. Emecen F. XVI Asırda Manisa Kazası. Ankara: Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu; Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2013.
40. Eyice S. Atik Ali Paşa Camii'nin Türk Mimarî Tarihindeki Yeri // Tarih Dergisi. 1964. № 14 (19). S. 99–114.
41. Gökçen İ. Manisa Tarihinde Vakıflar ve Hayırlar. İstanbul: Marifet Basımevi, 1946.
42. Goodwin G. A History of Ottoman Architecture [1971]. London: Thames & Hudson, 2003.
43. Gündüz Küskü S. Türk Dönemi Manisa Kenti Ve Düşündürdükleri // Turkish Studies. 2014. № 9/10. S. 633–653.

44. Hillenbrand R. Islamic Architecture. New York: Columbia University Press, 1994.
45. Kafescioglu Ç. Constantinopolis/Istanbul. Cultural Encounter, Imperial Vision, and the Construction of the Ottoman Capital. Philadelphia: Penn State University Press, 2009.
46. Kawamoto S. Courtyards and Ottoman mosques in the 15th and 16th centuries: Symbolism, mimesis and demise // ITU A|Z. 2015. Vol. 12. № 2. Pp. 35–48.
47. Keating M. Feminine Roles in the Ottoman Empire: The Significance of Women during the Sultanate of Women Period. New Jersey: Princeton University Press, 2007.
48. Kocaman M. Manisa Hafsa Sultan Camii ve Külliyesi. İzmir: İzmir Üniversitesi Türk İslam Sanatları Kürsüsü, 1981.
49. Kononenko E., Zilivinskaya E. On one architectural description given by P. Pallas // Social Sciences and Humanities Proceedings. The 5th International Conference on Art Studies: Research, Experience, Education (ICASSEE 2021). Dec 2021. Vol. 1. Pp. 44–47.
50. Konyalı İ. H. Kanunî Sultan Süleyman'ın Annesi Hafsa Sultan'ın Vakfiyesi ve Manisa'daki Hayır Eserleri // Vakıflar Dergisi. 1969. C. VIII. S. 47–56.
51. Kuban D. Ottoman Architecture. Woodbridge: Antique Collectors Club, 2010.
52. Kuran A. The Mosque in Early Ottoman Architecture. Chicago: University of Chicago Press, 1968.
53. Morkoç S. B. A Study of Ottoman Narratives on Architecture: Text, Context and Hermeneutics. Ph. D. Thesis. The University of Adelaide, 2006.
54. Mullett M., Ousterhout R. G. The Holy Apostles. A Lost Monument, a Forgotten Project, and the Presentness of the Past. Washington: Dumbarton Oaks Research, 2015.
55. Necipoğlu G. Challenging the Past: Sinan and the Competitive Discourse of Early Modern Islamic Architecture // Muqarnas. 1993. Vol. X. Pp. 169–180.
56. Necipoğlu G. The Age of Sinan: Architectural Culture in the Ottoman Empire. London: Reaktion Books, 2005.
57. Öney G. Beylikler Devri Sanatı XIV–XV Yüzyıl (1300–1453). Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1989.
58. Öztuna Y. Yavuz Sultan Selim. Istanbul: Babıali Kültür Yayıncılığı, 2006.

59. Özüdoğru Ş. Erken ve Klasik Devir Osmanlı Camilerinde Son Cemaat Yerlerinin Gelişimi ve Tipolojisi. Eskişehir, 2005.
60. Süreyya Mehmed Bey. Sicill-i Osmani/Ed. N. Akbayan. Istanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınlar, 1996.
61. Tekin K. H. Halep'te gelenekten yeniliğe geçiş sürecinde imar faaliyetlerine imza atan yapı patronları ve eserleri üzerine // Zeitschrift für die Welt der Türken. 2013. Vol. 5. № 2. S. 245–249.
62. al-Tikriti N. Şehzade Korkud [ca. 1468–1513] // Pax Ottomana. Studies in Memoriam Prof. Dr. Nejat Göyünç/ed. K. Çiçek. Haarlem–Ankara: Sota, 2001. S. 659–674.
63. Tiryaki Y. Hayrabolu 'da Türk ve am Eserleri // Sanat Tarihi Araştırmaları Dergisi. 1993–1994. C. 12. S. 22–28.
64. Tuluk Ö. I. Iskilip şeyh Yavsi Camii'nin orijinal planı üzerine bir restitüsyon denemesi // Belleten. 2003. D. LXVII/249. S. 447–456.
65. Uluçay M. Ç. Padişahların kadınları ve kızları. Istanbul: Türk Tarih Kurumu, 1988.
66. Yelçe N. Z. The Making of Sultan Süleyman: A Study of Process/es of Image-Making and Reputation Management. Istanbul: Sabanci University, 2009.